

Александр Фомич Вельтман

Костешские скалы

Александр Фомич Вельтман

Костешские скалы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=630785
А. Ф. Вельтман. Странник: Наука; Москва; 1978*

Аннотация

Рассказ Александра Вельтмана «Костештские скалы» из его романтического «бессарабского» цикла знакомит нас с жизнью и работой молодого офицера-топографа, ведущего съемочные работы в Бессарабии и квартирующего у молдаванки. В рассказ о любви молодого офицера к юной Ленкуце введено молдавское сказание о скалах Костештских, речь о котором идет и в рассказе «Два майора».

Содержание

Примечания редакции

26

Александр Вельтман

Костештские скалы

В тысяча восемьсот таком-то году один юный «офицер-ди-императ»¹ сидел в белой, раскрашенной вавилоннами снаружи и внутри «касе» селения Каменки; сидел в сонливом, а может быть, и грустном положении, склонив голову на перекрещенные руки на столе.

– *Боер дорми!* Боярин спит? – спросила хорошенькая, миленькая Ленкуца, дочь хозяйская, входя в комнату с букетом цветов в руках.

Юный офицер, которого мы назовем хоть Световым, молчал.

– *Яка, флоаре!* Посмотри-ка, вот цветы! – сказала Ленкуца нежно.

– Эй, кто тут есть! Скоро ли лошади? – вскричал юный «офицер-ди-императ», подняв голову.

Взор его был мрачен.

– Я давно сказал Афанасьеву, чтоб запрягал, – отвечал, притворив, двери, денщик.

Офицер опять склонил голову на руки.

– Ты сердисься? – сказала Ленкуца печальным го-

¹ Так называли молдаване офицеров свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, производивших съемку земель Бессарабских (прим. автора).

лосом.

– А тебе что за дело? – сказал Светов, приподняв голову.

Взоры его блеснули, как у победителя.

– Как что за дело? – отвечала Ленкуца.

– Так ты любишь меня, Ленкуца?

– Нет.

– Как нет?

– Я и хотела бы, да не могу тебя любить...

– Отчего, Ленкуца? Скажи, драгуца моя.

– Оттого, что ты любишь другую.

– Это кто тебе сказал?

– Я сама знаю. Ты только в будни говоришь, что любишь меня, а сам всякой праздник уезжаешь бог знает куда.

– Что ж такое?

– Как что? Кто любит, тот праздники проводит с теми, кого любит... Вот и сегодня едешь...

– Я езжу к товарищам.

– И, полно! что ты нашел у товарищей?

– Уверяю тебя, Ленкуца.

– Если ты любишь меня, так не поедешь.

– Мне должно ехать.

– Так поезжай! – сказала Ленкуца, вырвав свою руку из рук Светова, и быстро выходя из комнаты.

Казалось бы, что одно только образование мо-

жет дать природной красоте очаровательную приятность, голосу сладость, взорам томность, движениям непринужденность, стану статность, а сердцу нежную любовь; но это все было в Ленкуце, дочери «мазила», или молдаванского однодворца. Ленкуца скромно удалялась от юношеских преследований Светова; он был в отчаянии. В первый еще раз она высказала ему неожиданно свою любовь, но он не мог исполнить ее требований остаться дома. Для свода съемок он должен был съехаться с товарищами, и эти съезды обыкновенно бывали по праздничным дням.

Колокольчик зазвенел, четверка быстрых коней, запряженная в маленькую каруцу, украшенную резьбой, подъехала к хате.

– Ах, какая скука! – вскричал Светов.

– Готово, ваше благородие, – сказал вошедший пионер.² – Кому прикажете с собой ехать? Молдавану или мне?

– Ты поедешь.

Светов накинул на себя плащ и хотел уже садиться в каруцу, как вдруг с горы несется во весь опор четверка и прямо поворотила на двенадцатисаженную вежу, которая возвышалась над палацом Светова и на вершине которой был воткнут соломенный «ивашка-белая-рубашка». Правил конями кто-то в широких ша-

² Пионер – сапер.

роварах, в белой куртке и в белой фуражке, правил стоя, как Аполлон конями солнца, и свистел, как Соловей-разбойник.

– Это наши, ваше благородие, – сказал Афанасьев, лейб-возница Светова, радостно смотря на полет коней.

– Кто ж это так отчаянно правит?

Не успел Светов произнести этих слов, кони как вкопанные, в пене и в паре, остановились подле хаты. Лихой кучер бросил к черту вожжи, соскочил с каруцы.

– Лезвик! – вскричал Светов.

– Каков у нас кучер? – крикнули сидевшие в каруце, которых под пылью нельзя было узнать в лицо.

– Лугин и Фантанов! Вы под пылью, как мертвецы в саванах. Ай, Лезвик, чудо! Я думал, что вас под гору несут лошади... прямо с крутизны к черту.

– Как бы не так! – сказал Лезвик. – Уж мы и править не умеем!

– Не с большим в три четверти часа двадцать верст.

– Как бы не двадцать!

– Ну, теперь пошел Лезвик спорить.

– Да разумеется: двадцать одна и триста сажень. Да и где ж три четверти часа?.. Мы выехали половина десятого...

– После поспорим, Лезвик; а теперь позавтракать да и в Костешти. А у тебя уж, Светов, и лошади гото-

вы? Прикажи и нам дать свежих лошадей.

– Да мы трое усядемся на твоей каруце, а Лезвик опять будет править. Вместе веселее.

– Так уж лучше знаете ли что? Я велю запречь воловью каруцу: засядем в нее и будем играть дорогой в бостон.

– Bravo! Славная выдумка! Приказывай!

– Эй, Афанасьев, ступай распорядись, чтоб сейчас же была воловья каруца, запряженная двенадцатью рысистыми волами. Каруцу обтянуть и покрыть сверху коврами, накласть в нее подушек и разостлать на них мой большой ковер.

Не успел денщик Светова поджарить куриных котлет, как послышался скрип каруцы, крики и хлопанье бичами.

– Как прикажете, ваше благородие, я не умею править волами, – сказал вошедший Афанасьев.

– А ты не знаешь службы? Что прикажут, то и должен уметь.

– Уж, конечно, ваше благородие, наше подчиненное дело.

– То-то же! Поставить в каруцу складной стол и четыре складных стула... Да в погонщики волов двух верховых.

Покуда завтрак кончился, все уже готово.

Около каруцы собралась вся громада³ села; все заботливо, как будто делали важное дело, помогали Афанасьеву укладывать и устанавливать в воловьей каруце, которая стояла, как дом на колесах: в ширину сажень, в длину две; колеса два аршина в диаметре, а ничем не смазанные буковые оси в палец толщины. Вообще молдавские воловьи каруцы бывают без обшивки; бока их составляют параболу, рогами вверх и на подставках.

– Это что за кавалерия, вооруженная бичами?

– Я приказал двух погонщиков, а их наехал целый взвод, – отвечал Афанасьев.

– *Ной мержем ку боерь!* Мы поедем с боярином! – сказали вершники молдаване, которых набралось человек десять.

– Только двух нужно! – сказал Светов.

– *Лас, боерь... лас!* Оставь их, боярин, оставь! – сказал ватаман, кланяясь.

– Пусть их едут. Хайд! Мимо Ста-Могил!

– Садимся!

Товарищи засели в каруцу, покрытую сверху и завешенную по сторонам коврами. Афанасьев хлопнул хворостиной по волам; вершники крикнули «хайд!» и хлопнули залп бичами.

– *Буна друм, боерь!* Доброго пути боярину! – крик-

³ мир сельский (прим. автора).

нула вся громада, сняв кушмы и провожая каруцу, которая со скрипом потянулась из селения.

– *Хэ! маре драку костра боерь, тота каса ла рота лус!* Хэ, большой черт наш боярин, целый дом поставил на колеса!

По неровной дороге, берегом реки Каменки и в гору, волам дозволялось идти обычным своим шагом. Светов, Лугин, Фантанов и Лезвик играли спокойно в бостон; но едва волы выбрались на отлогий скат к реке Пруту, верховые молдаване гикнули, хлопнули бичами по ребрам волов, и – волы поскакали, складной стол прыгнул с ножек, карты полетели, один из бостонистов опрокинулся на подушки, крича «восемь в сюрках».⁴

– Проклятые! расстроили игру!

– Какая же игра, господа, на почтовых волах! Пошел!

– Хайд! – повторили в десять голосов лихие «калараши»,⁵ свистнув и хлопнув по ребрам волов арапниками.

Выпучив глаза и подняв хвосты, волы скакали; каруца, не уступавшая величиной вагону железной дороги, мчалась быстрее паровоза; верховые молдаване как сумасшедшие скакали по сторонам с криками

⁴ ...в сюрках – т. е. в козырях.

⁵ вооруженные всадники (молд.).

и хлопанием. Лезвик, не утерпев, выскочил на передок, выхватил из рук Афанасьева хворостину, гикнул – одно мгновение каруца была уже на береговой дороге, повернула к Костешти и вскоре очутилась на просторстве Ста-Могил.

– Тут, верно, было какое-нибудь сражение? – спросил любознательный Лугин.

– Это просто обросший от времени обвал крутого берега.

– Не может быть! – сказал Лезвик.

– Отчего не может быть?

– Да так, быть не может.

– Доказательство ясно!

– Разумеется, что не может быть! – повторил утвердительно Лезвик.

Лезвик заспорил бы всех, но, к счастью, крик, хлопание бичей, грохот и дребезг каруцы мешали спору.

С горы и по ровной дороге волы дружно несли ярмо, но едва подъехали к скалам Костештским, в гору, не тут-то было: ни волы, ни крик, ни арапники, ничто не везет. Нечего делать: послали Афанасьева в Костешти пригнать пары три свежих волов, а между тем Лугин, Фантанов, Лезвик и Светов вышли на отдельную высоту полюбоваться игрой природы.

Так называемые «скалы Костештские» выдаются из крутого берега реки Прута и берега реки Чугура

и перелетают зубчатой стеной через реку Прут, которая течет сквозь брешь, пробитую, вероятно, волнами всемирного потопа.

Лезвик уже стал спорить, что это искусственные, а не природные скалы, но пригнанные три свежих пары волов втащили на гору прежних двенадцать и каруцу. Пора было ехать, чтобы не опоздать в Костешти к обеду товарища Рацкого. Девять пар волов прибыли наконец к деревне Костешти. Тут им придали рыси, и они скоком привлекли каруцу к хате Рацкого. Все, что было у него товарищей, высыпало дивиться торжественному приезду патриархальной колесницы.

– Посмотрите, господа, – сказал Лезвик, едва только успели надорваться груди от смеху: – вот говорят, что это природные скалы!

– Ха, ха, ха! – раздалось снова.

– Похожи на природные!

– Какие же природные, господа? – сказал один «офицер-ди-императ». – Это искусственные.

– Это просто была плотина, которую прорвала вода, – сказал Лезвик. – Пойдемте, посмотрите сами.

– Пойдемте, пойдемте сами! – вскричали все.

– Пойдемте.

До скал было не более двухсот шагов от квартиры Рацкого. Берегом реки подошли к гранитным воротам, сквозь которые катился сжатый Прут и где впа-

дал Чугур. По камням пробрались на другую сторону, где был пикет казачий.

– Что, Лезвик? Искусственные скалы? Плотина?

– Разумеется. Спросите хоть у казака. Эй, казак, что это, плотина или, природные скалы?

– Чертова плотина, ваше благородие, – отвечал лихой казак.

– Все-таки моя правда, – сказал Лезвик.

– Согласны, если черт строил ее.

– По мне все равно, кто строил. Только я говорю, что искусственная, а не природная!

– Действительно, ваше благородие, черт строил, только не русский, а молдаванский, по имени «Драку».⁶

– Ты не был ли при этом?

– Нет, ваше благородие: это было в давние времена, при моем деде. Он вот как раз стоял на этом месте на часах и видел, как все происходило.

– А как же все это происходило?

– Долга сказка, ваше благородие, да притом же и не даровая.

– Вот тебе задаток, – сказал Светов, подавая казаку золотую монету.

– Извольте слушать, – сказал казак.

⁶ ...по имени «Драку». – Имя «Драку» дали черту в память о воеводе Дракуле, прославившемся своей жестокостью.

«Вот, по сю сторону Чугура было царство Болгарское, а по ту сторону жили хохлы-руснаки. У хохлатского царя была дочь Лунка-царевна, а у болгарского хана «бритая голова, плешь засаленная» был сын Тартаул-царевич, великий богатырь и наездник. Когда пришло время выдавать прекрасную Лунку-царевну замуж, хохлатский царь послал гонцов во все царства с портретами своей дочери и просил царей и цариц к себе на пир великий и ратоборство, кому честь, и слава, и рука царицы. Вот съехались со всех стран цари, и царицы, и богатыри великие. Сам царь встречает, есаулы гостей под руки принимают. Началось полеванье. Всех победил угорский королевич.

— Ну, — говорит, — богатыри и витязи, с кем еще копья померять, силы изведать? Или нет больше ни храброго, ни удалого?

— Есть еще один! — крикнул богатырским голосом витязь «светлая броня, ничьим копьем не оцарапана». — Не нужно, — говорит, — ворот отворять, моему коню высокий тын не помеха.

Глядь, уж стоит посреди поля. Разъехались добрые молодцы, тупым концом позабавились. Не успели глазом моргнуть, а угорский королевич лежит на земле. Повели витязя в палаты под руки, встречают его с кубками заздравными, подносит царица венец ему, просит снять шлем богатырский. Снял витязь шлем, а под

шлемом шлык:⁷ так все и ахнули.

– Нет, – говорит царь хохлатский: – не пойдет моя дочь замуж за бритую голову!

– Царь-государь, – сказал витязь: – не в хохле дело, а дело в том, полюбит ли меня прекрасная дочь твоя; если любит, то я, изволь, отрощу хохол до пяты.

Царевна сладко очи потупила. А царь сказал:

– Ну, будь по-твоему, будь ты мне зять нареченный; проси у твоего родителя благословенья.

Поехал Тартаул к своему родителю просить благословенья жениться на единородной дочери царя хохлатского.

– Как? – говорит хан «бритая голова, плешь засаженная». – Чтоб ты женился на хохлачке, на бараньей голове?

Молил, молил Тартаул отца своего – ничто не берет.

– Ну, – говорит Тартаул: – если не позволяешь, так уж быть беде! Струсил хан: любил он сына.

– Хорошо, – сказал, – согласен. Только пусть дает в приданое за дочерью море.

Поехал Тартаул к возлюбленной невесте и говорит царю: так и так.

– Помилуй, твой отец с ума сошел! У меня и моря нет в целом царстве. Земли сколько хочешь!

– Хитер у меня отец! – сказал Тартаул. – Что де-

⁷ Шлык – островерхая шапочка.

лать? Есть, говорят, чародей Чугур; поеду, посоветуюсь с ним: у него есть на все отводы.

Приехал к Чугуру: жил он отшельником в горе; посреди леса сидел сиднем на пне и не двигался с места. Приехал, рассказал свое горе: вот так и так, что делать?

– *Драку шти!* Черт знает! – сказал Чугур.

– Коли черт знает, так попроси его, сделай милость, научить, что делать.

– Что дашь?

– Что хочешь.

– Видишь: в вашем владенье, у Гнилого Моря, есть сто могил моих предков; перевези их все сюда, со всем, что в них есть.

– Изволь! хоть тысячу!

Обрадовался Тартаул и тотчас же отправил подводы на Гнилое Море. Вот их и перевезли на то место, где теперь Сута-Моджиле.

– Ну, – сказал Чугур: – спасибо! Я тебе услужу. Ступай к отцу и скажи, что царь хохлатский дает море в приданое дочери. Вези его на свадьбу.

Поехал Тартаул к отцу, говорит ему: так и так, будет море в приданое.

– Да откуда он взял море? – спросил хан.

– Не могу знать. Верно, было какое-нибудь.

– Быть не может. Поедем! А если моря нет, так нет

тебе и согласия моего.

Поехали, подъезжают. Царь и царица их под ручки принимают, за браные столы сажают.

– Ну, – говорит хан болгарский: – дочь твоя хоть куда царевна, а где же ее приданое? где же море?

– Где ж нам взять моря, любезнейший наш брат, хан болгарский...

Только что он сказал это, вдруг слышат шум, точно морские волны хлещут о берег. Глядь в окно: не река Прут течет, а бушует пространное море перед палатами.

– Ба, ба, ба! Да как же это сказали мне, что в твоём царстве и моря нет? Да какое же это море? – спросил хан болгарский.

Царь хохлатский от удивленья не знает, что и говорить.

– У нас море Черное, а это море Проточное, – отвечает за него Тартаул-царевич.

– Если так, то сдержу мое слово. Сыграем свадьбу.

Вот начали играть свадьбу. Сыграли. Сели за браные столы. Вдруг прискакали гонцы из царства Ордынского к хану и говорят:

– Помилуй нас, хан великий, многомилостивый! Зачем позволил ты строить чертову плотину на Пруте? Все наше царство пересохло. Черное море иссякло, ни капли воды нет.

– Как? – крикнул ордынский хан.

А тут же и к царю прибежали люди земские:

– Батюшка-царь, смилуйся! Зачем ты позволил царю ордынскому чертову плотину на реке Пруте строить? Вода разлилась по всему царству, вздулась словно море, все топит, подступает под твои царские палаты.

– Как? – крикнул и царь хохлатский.

А потом оба в один голос:

– Так такие-то вещи ты, царь хохлатский, со мной делаешь! Вздумал пересушить все мое царство? Плотины строить! Эй! ломать плотину!

– Так такие-то вещи ты, хан болгарский, со мной делаешь! Плотины строить? Вздумал затопить все мое царство? Эй! ломать плотину!

– Едем, сын!

– Пошла, дочь, в свою светелку!

– Помилосердуйте, любезнейшие родители! Плотины не вы строили, ни царь хохлатский, ни хан болгарский, а плотина сама построилась на мое счастье.

– Как?

– Да так. Позвольте, я пойду с народом снесу ее.

Вот и принялись ломать плотину. Ничто не берет, ни лом, ни топор. Как быть? Поскакал Тартаул-царевич к Чугуру. Нет его на пне; искать, искать – а он поселился в пещере, вот что со стороны дороги, и сидит

там молча.

– Благодетель ты мой! – говорит Тартаул-царевич: – помоги! Вот так и так: плотина твоя затопила царство хохлатское, пересушила все земли болгарские... Помоги, сделай спуск!

– Нелегко, тут от руки ничего не сделаешь; надо прогрызть зубами.

– Помилуй, какой зуб возьмет?

– Надо попросить зубатого.

– Попроси кого знаешь!

– Что дашь? Да постой, не нужно. Обещай сослужить мне службу: холодно мне стало на белом свете; перенеси ты мои косточки туда, где сто могил моих предков, и приодень землицей.

– Изволь, дедушка Чугур, целой горой завалю твои косточки.

– Ну, добре, ступай: будет по-твоему.

Как настала ночь, дедушка мой стоял здесь на карауле; служил он в чередном казачьем полку на границе. Стоит себе, как я, пика в сошках, а голая сабля на руке – вдруг видит, кто-то идет. – Кто тут? Убью! – Здешний, – откликается: – «мошуль⁸ зубатый». Как взглянул на него дедушка мой, так и остолбенел: черные зубы из пасти, точно тын железный. Как начал он, ни слова не говоря, грызть каменную плотину, так

⁸ дедушка (прим. автора).

и хрустят камни; погрызет-погрызет, да оселком зубы поточит. К утру прогрыз вот, как видите, целые ворота, да не остерегся: вода как хлынет вдруг, сбила его с ног и понесла; только его и было.

Вот царь с ханом видят, что дело пришло на лад, помирились и принялись снова пировать.

Как оженился царевич, сдержал слово Чугуру, перенес его, посадил посреди Ста-Могил, прикрыл землицей. Вот самый большой курган – это его, сто первый.

– Видишь, хан болгарский, – сказал царь хохлатский: – чего нет, того и не проси.

Царь и хан наделили молодых свежими землями, собрали всех молодцов и всех красных девиц и отдали им в приданое. Вот и пошли пиры и «младованье». Я там был, мед пил, по усам текло, а в рот не попало!»

– Спасибо, казак! вот тебе на придачу.

– Покорнейше благодарю, ваше благородие! Если угодно, мы и еще кой-что порасскажем, например про Надежду-царевну «магнитные глазки».

– В другой, брат, раз!

– Я говорил, что это плотина...

– Ты прав, ты прав, Лезвик. Теперь мы знаем, что и Сто-Могил не обвал.

– Смейтесь!

– Пора обедать, господа, – сказал Рацкий, и все от-

правились к нему на квартиру. Стол уже был готов. После обеда привели верховых лошадей, все вооружились хлыстиком, засели на коней и – на луг. Начались «бары», или игра в войну.⁹ Потом, во время чая, по обычаю, началось очередное чтение: повестей, стихов, статьи ученой, военной. Каждое произведение поступало в рукописный сборник, которого части, по прошествии известного времени, разыгрывались по жребию – кому достанется в память товарищества и молодости лет, проведенных не без пользы.

День прошел. Пора по домам.

– Господа, в следующее воскресенье ко мне. Кстати, я и именинник, – сказал Светов, прощаясь с товарищами.

– Что, и назад на колеснице воловьею?

– Нет, покорно благодарю? Еду на легких.

Четверка лихих коней, управляемых Афанасьевым, стояла уж у подъезда. Светов вскочил в каруцу и при свете ночного светила помчался в Каменку, где бедная Ленкуца таяла от ревнивой любви.

В продолжение всей недели она не показывалась на глаза «юному». Чем свет уедет в поле, воротится поздно или уйдет в касу своей тетки и ткет ей ковры.

Воскресенье приближалось. Светов распорядился

⁹ Игра колонновожатых в Асташове. Название, без сомнения, происходит от «васгја» – «сражаться» (прим. автора).

к приему гостей. Подле дома не было саду: лес близок, нипочем; в один день весь двор обратился в сад, усыпанный свежей, душистой травой и цветами. За десять рублей «чиновник-ди-исправничия»¹⁰ привез десять возов разных плодов: воз арбузов, воз дынь, яблок, груш, персиков, абрикосов, слив, волошских орехов, вишень, винограду, а усердная команда развесила все на деревья. Для гостей на кухне шпарят и потрошат баранов, уток, гусей и цыплят; на погребке заготовлено янтарное «Одубешти», полынковое и мускатное; для джока выписаны цыгане музыканты; для громады взято в корчме несколько ведер раку.¹¹ Чучела на вехе одета в новую красную рубашку.

Настало воскресенье. «Юный» проснулся грустен, сходил в церковь. Его поздравили с именинами денщик, вся команда, вся громада. Парентий принес огромную просфору, а Ленкуца не идет поздравить его.

К полудню товарищи съехались, расположились на коврах, постланных на мягкой траве посреди армидина сада,¹² курят трубки, беседуют в ожидании завтра-

¹⁰ исправник (молд.).

¹¹ фруктовая водка.

¹² ...армидина сада... – *Армида* – героиня поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Завораживала крестоносцев своей красотой, увлекла Ринальдо на далекий остров в свои волшебные сады.

ка. Светов прилег на голой траве. Вдруг прошла Ленкуца в хату, взглянув мельком на Светова.

– Ба! *формошика*,¹³ *формошика!* – крикнули все в один голос, увидев ее. – Не твоя ли хозяйка, Светов?

– Да, – отвечал он.

– Что ж ты покраснел?

– И не думал.

– Браво, браво, браво! – закричали все. – Понимаем! Как умильно, нежно она взглянула на тебя!

– Мечта! Это, господа, суровая красавица, не слишком нежничает с нашим братом...

– *Фата формоза!*¹⁴ – вскричали все снова, увидев Ленкуцу, которая вынесла из хаты прекрасный махровый ковер. Не обращая ни на кого внимания, она подошла к Светову и разостлала свое приданое. Но Светов не хотел обратить внимания на ее услугу. Ему стыдно было товарищей.

– Добрая хозяйка! Как она заботится о своем постельце! А подарила ли ты ему что-нибудь в день именин?

– Нет еще! – сказала она. – Он, верно, сердит за это на меня.

И вдруг Ленкуца бросилась к Светову, обняла его, пламенно поцеловала. Он вспыхнул, она скрылась.

¹³ красавица (молд.).

¹⁴ Прелестная девушка! (молд.).

– Bravo, bravo! – повторили все, захлопав в ладоши.

Поздравления посыпались на бедного Светова. Он надулся.

Этот случай помешал общему веселому расположению. Все как будто подозревали, что Светову веселее дома без гостей. И Светов что-то был невесел: он как будто сторожил, не придет ли Ленкуца, чтоб и ее поцеловать так же пламенно, но без свидетелей!

После обеда оживилось. Вдруг колокольчик.

– Кто это?

Афанасьев прибежал запыхавшись.

– Полковник едет, ваше благородие!

– Вот тебе раз!

Вскоре коляска остановилась подле хаты.

– С генералом, ваше благородие!

– Действительно, полковник, убей меня бог, прекрасное местоположение! – Здравствуйте, господа! Каким это образом вы все здесь?

– У именинника, ваше превосходительство.

– И прекрасно!

– Вот и все планшеты¹⁵ здесь, ваше превосходительство, – сказал полковник.

– И прекрасно! Так я осмотрю работы и прямо от-

¹⁵ Планшеты – приспособления, на которых во время съемок закреплялись карты и чертежные листы.

сюда в Хотин. Прикажите мне переменить лошадей.
Г. Светов, вы сдадите свою съёмку и поедете со мной.

Светов побледнел. Так поразили его эти слова.

– Мы выберем вместе места для смотров; вы снимете их и потом явитесь ко мне.

– Укладывайся! – сказал Светов денщику почти со слезами на глазах.

– Что, брат, горе! – говорили товарищи шепотом, подходя к нему по очереди.

– Что такое? – отвечал им Светов.

Вскоре свежие лошади были запряжены в коляску. Светов простился с товарищами, посмотрел кругом, нет ли где Ленкуцы? – Нет!

Только и видел он ее.

Примечания редакции

В Дополнения включены отдельные стихотворные и прозаические произведения Вельтмана, а также их фрагменты, иллюстрирующие творческую историю «Странника» показывающие, как развивались поднятые романом темы в последующем творчестве писателя. Часть предлагаемых сочинений Вельтмана и отрывков публикуется впервые, другие печатались при жизни писателя и с тех пор не переиздавались.

Рассказ «Костештские скалы» был напечатан в «Одесском альманахе на 1840 год», а затем включен в сборник повестей Вельтмана, вышедший в 1843 г. Описывая жизнь офицеров-топографов, занятых полевыми съемками, автор обратился к собственным воспоминаниям, вывел реальных людей, наделив их вымышленными фамилиями. Так, Светов – это сам автор, передавший немецкое значение своей фамилии: Welt – «мир, свет», Mann – «человек». Фантанов – это Фонтон де Верайон; Рацкий – это Полторацкий; Лугин – это Лугинин; все – офицеры по квартирмейстерской части, прикомандированные к военно-топографической комиссии. Ленкуца – уменьшительное молдавское от Елена. С предположением Е. М. Двой-

ченко-Марковой, что Ленкуца – это Елена Кубе, нельзя согласиться. (О Елене Ивановне Кубе см.: Ю. Акутин. Загадка Елены Кубе. – «Наука и жизнь», 1976, № 6.)

Образ Ленкуцы вновь возникает в романе «Счастье – несчастье».

«Не без удовольствия можно прочесть рассказ Вельтмана «Костештские скалы»...», – писал В. Г. Белинский в рецензии на «Одесский альманах на 1840 год» (Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. IV. М., 1954, с. 122).